

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 165.3 316.776

DOI: 10.34130/2233-1277-2019-4-9-23

С. В. Герасимов

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург

Конструирование социальной реальности: нарративы и перформативы

Нарративы выполняют существенную роль в смыслообразовании, социально-культурных практиках, в формировании концептов действительности, в конструировании и управлении социальной реальностью. При этом интуитивно ощущается управляющая составляющая в составе наррации. Статья содержит анализ генезиса перформативов и нарративов, их взаимосвязи в процессе создания и управления социальной реальностью.

Ключевые слова: нарратив, перформатив, текст, манипуляция, публичные коммуникации, интенциональность, социальная реальность.

S. V. Gerasimov

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg

Design of Social Reality: Narratives and Performatives

Narratives play a significant role in the formation of meaning, socio-cultural practices, in the formation of concepts of reality, in the design and management of social reality. At the same time, the control component in the narration is intuitively felt. The article contains an analysis of the genesis of performatives and narratives, their relationship in the process of creating and managing social reality.

Keywords: narrative, performative, text, manipulation, public communications, intentionality, social reality.

Введение. Британский философ Джон Остин во время своей лекции на радиостанции в городе Готенберге в октябре 1959 года разделил нарративы и перформативы, утверждая, что они представляют собой оппозиционные понятия, входящие в объем родового понятия «речевой акт». Таким образом, он положил начало дискуссии вокруг этих понятий, разделенных по признаку присутствия в тексте повествования или побуждения, описания или императива. Перформатив, как и нарратив, создается под давлением различных факторов социальной коммуникационной среды, связанных с системой публичных коммуникаций, окружающих автора. На них влияет множество резонансов и доводов, находящихся в сознании автора, отражающих процессы, происходящие во внешней среде. Эти формирующие силы влияния переплавляются в процессе создания в текст, и получатель этого послания потребляет уже целостную картину, которая несет на себе отпечаток габитуса автора. Содержит ли нарратив в своей основе манипуляционную основу или скрытое побуждение? Служит ли картина мира, формирующаяся под воздействием нарративов, эффективным инструментом, формирующим поведенческие паттерны читателя, примером для принятия решения в ситуации, которая может у него возникнуть? Для ответов на эти вопросы нужно выяснить взаимную связь перформатива и нарратива, которая может быть нескольких видов.

Необходимо рассмотреть возможные комбинации соотношения нарративов и перформативов. Они возможны как минимум в трех вариантах. Во-первых, это отношение несовместимости, и тогда они оба не имеют общих элементов, но включены в родовое понятие речевого акта. Во-вторых, возможно, перформатив — это разновидность нарратива. В этом случае достаточно доказать, что все перформативы — это нарративы, но некоторые нарративы есть перформативы. В-третьих, возможно, что перформатив составляет основу любого нарратива и не существует такого нарратива, в котором в явной или скрытой форме не присутствует подталкивание к какому-нибудь действию или бездействию. В этом случае связь нарратива и перформатива можно определить как парное или Р-множество в объеме понятия речевого акта, в котором каждому нарративу соответствует не менее одного перформатива.

1. Публичные коммуникации — пространство существования наррации

Публичные коммуникации — необходимое условие для возникновения и фиксирования наррации. При этом наиболее общим

является понятие публичной коммуникации, под которой в рамках данной работы понимается множество вербальных коммуникаций между людьми в социуме, при соблюдении условия, что каждый представитель социума, имеющий желание, может участвовать в любой подобной коммуникации в качестве автора, комментатора, слушателя, исследователя и так далее. В этом смысле публичная коммуникация не только противопоставляется коммуникациям в межличностном пространстве (*private vs public*), но и отделяется от более специализированных форм коммуникаций: учебных, производственных, служебных и других. Перформатив как феномен языка, речевой акт, присутствует в различных формах коммуникации, которые необходимо рассмотреть в процессе выявления возможной взаимосвязи наррации и перформативов.

Публичные коммуникации во многом определяют форму и содержание социальной реальности: социально-культурной сферы, политики, сферы деловых коммуникаций, научную и другие практические сферы, составляющие цивилизацию. Этот феномен имеет специфические проекции на разные направления фундаментальных и практических исследований в естественных, гуманитарных и точных науках. Очевидно, что в силу универсальности, генерации смыслов и даже смысловых и нормативно-ценностных систем, пространство публичных коммуникаций содержит наибольшее количество нарративов. В пространстве социальной философии, философии искусства, логики и методологии гуманитарного знания нарративы представляют собой большое пространство для исследований, выявления связей и создания возможных моделей. Феномен публичных коммуникаций опредмечивается в различных формах и направлениях нарративов: официальные и оппозиционные, явные и архитипично-подсознательные, мифологические, культовые, фольклорные и многие другие. Таким образом, наррация представляет собой и предмет и метод исследования системы социальной реальности, создаваемой в процессе публичных коммуникаций.

Для выяснения генезиса современных нарративов необходимо определить роль коммуникационных процессов в конструировании социальной реальности. Понимание логики соотношения естественных и искусственных причин возникновения перформативов и нарративов в современном тексте публичных коммуникаций формирует возможности для моделирования, унификации и сквозной десигнации в процессе нарративного описания множества возможных реальностей, представляющих поступательное движение,

напрямую связанное с особенностями функционирования большинства сфер общественной жизни.

Система формирования различных нарративов публичных коммуникаций может быть рассмотрена как эффективный инструмент в конструировании многообразных социальных реальностей, в условиях сплита реальностей и кроссреального серфинга. Событийная методология определения качественных и количественных характеристик позволит определить основные тренды развития стратифицированного социума, выявить векторы развития концептов индивидуальной и коллективной реальностей. Конструктивное событийное моделирование публичных коммуникаций и последующая верификация моделей позволят конструировать когнитивные технологии применительно к теоретическим задачам, связанным лингвокультуральным [1] переносом, семантическим трансфером [2], локализацией [3] смысловых конструкций, а также применительно к прикладным отраслям научного знания, таким как символическая политика, формирование форсайта, брендинг и прочим.

2. Варианты взаимосвязи перформативов и нарративов

При рассмотрении первого варианта взаимосвязи множества нарративов и перформативов как отношение несовместимости, указанные множества не могут иметь общих элементов. При этом существует мнение, что на противопоставлении и даже конфликте нарративов и перформативов строится драматическая ситуация в литературе [4]. Некоторые исследователи склонны разделять и противопоставлять эти понятия применительно к драматическим текстам [5]. Французская школа нарратологии утверждает, что противопоставление описания и декларации, нарратива и перформатива проявилось как оппозиция понятий диегезиса и мимесиса еще в античности [6].

Для того чтобы опровергнуть первый тезис, существует множество аргументов. Приведем два из них.

Аргумент первый. В случаях сочетания долженствования и бытия в одном тексте часто ссылаются на принцип Юма, или «вилку Юма»: «Невозможно вывести долженствование из бытия; никакое собрание фактов, сколько бы всеобъемлющими оно ни было, не влечет за собой ценностного вывода» [7, с. 35]. Другими словами, из того что есть (нарратив), не следует то, что должно быть (перформатив), смена модальностей недопустима. Из любого описания не

следует императив, а повелительное наклонение, вытекающее из наррации в виде морали, неуместно.

Но если посмотреть «Трактат о человеческой природе» Д. Юма, то в нем дословно сказано следующее: «Всякое вероятное рассуждение не что иное, как род чувствования. Не только в поэзии и музыке, но и в философии мы должны следовать своему вкусу и чувству. Когда я убежден в каком-либо принципе, это значит только, что известная идея особенно сильно действует на меня; когда я отдаю преимущество одной цепи аргументов перед другой, я только решаю на основании чувства, которая из них имеет более сильное влияние на мнения. Между объектами нет доступной нашему наблюдению необходимой связи, и только при помощи действующей на воображение привычки, а не иного какого принципа, можем мы вывести из существования одного объекта существование другого» [8, с. 203–204]. Глава, где приводится это рассуждение, называется «Попытка ввести экспериментальный метод рассуждения в предмет морали».

Из трактата Юма можно сделать несколько выводов.

1. «Когда мы говорим «А является причиной В», все, что мы имеем право сказать, — это то, что в прошлом опыте А и В появлялись вместе часто в быстрой последовательности и не наблюдалось ни одного примера, когда В не следовало бы за А или не сопровождало его» [9, с. 781].

2. Однако как бы много примеров совпадения А и В мы не наблюдали, это не дает основания ожидать, что они будут совпадать в будущем.

Д. Юм отрицает любую операцию необходимого логического следования из А в В, но не отрицает возможного наступления такого следования. В том числе ирония шотландского ученого распространяется на то, что его собственное правило (перформатив), или принцип Юма, не имеет наступления следования. Переводя утверждение Юма в нарративно-перформативное пространство, можно «утверждать», что не из каждого нарратива может следовать перформатив, но такое может быть.

Аргумент второй. Некоторые жанры художественной литературы состоят из двух частей: нарративной и перформативной, и в ином виде не могут существовать. Например, басня, в которой выводится мораль, или сказка, в которой перформатив создается по алгоритму «сказка-ложь, да в ней намек, добру молодцу урок».

Исходя из этих двух аргументов, можно предположить, что какая-то часть перформативов не только связана с нарративами, но

и то, что перформатив в явной или в скрытной форме может составлять существенный признак некоторых классов наррации. Нарратив в некоторых языковых формах неизбежно связан в перформативом. Другими словами, существует множество, отличное от пустого, в котором нарративы и перформативы связаны друг с другом.

Из того что нарративы и перформативы в широком пространстве публичных коммуникаций имеют область пересечения, возможно, следует и их взаимное пересечение в более узкоспециальных областях коммуникаций. Например, в музыкальной или нотной записи, кроме символьного описания тона, длительности звуков и последовательности их звучания, присутствуют советы-указания о том, как играть то или иное музыкальное произведение: *adagio*, *andante*, *allegro* и т. д. В ЕСКД (Единая система конструкторской документации) перформативы присутствуют в различных текстах, чередуясь с описательной, нарративной частью документации. Похожую ситуацию можно наблюдать и в текстах, связанных с функционированием организаций в условиях, ограниченных по времени, например в армии. В армии существует необходимость однозначного побуждения к действию. Кроме армии подобный сплав нарративов и перформативов присутствует в инструкциях МЧС, при работе со сложной техникой, в условиях повышенного риска наступления обстоятельств непреодолимой силы и т. д. Это можно объяснить множеством причин, например особой чувствительностью пространства публичных коммуникаций к манипулятивным приемам [10].

Во втором случае возможного соотношения перформативы и нарративы связаны как понятия соподчиненные, при этом перформатив — это множество в объеме понятия нарратив. В этом случае достаточно доказать, что все перформативы — это нарративы, но только некоторые нарративы есть перформативы.

В. В. Маяковский писал: «Если звезды зажигаются, значит это кому-нибудь нужно?» Существуют ли нарративы, в которых в «чистом» виде присутствует описание реальности без какой-либо скрытой/явной мотивации? Нарративы представляют собой информационный массив, состоящий из различных сюжетов, описывающих сущности и события, протекающие во времени. Сложность исследования наррации заключается в том, что каждый автор и также каждый получатель нарративного послания относится к тексту нарратива избирательно, пропуская через собственную фильерную пластину, систему фильтров, прокрустово ложе, габитус (по Бурдьё). В процессе взаи-

модействия нарратива и человека происходит порождение, перенос и восприятие смыслов [11]. В зависимости от нормативно-ценностных установок, полученных в процессе воспитания и образования, человек вносит свою оценку в этапы наррации. Все сказанное справедливо не только к отдельным персонажам, но и к социальным группам. Нарративы не только описывают оценочно реальности, но и формируют условия последующей оценочной наррации.

3. Возможные системы связи нарративов и перформативов

Наблюдаемый замкнутый круг можно описать как систему с обратной связью. Результат работы системы влияет на систему таким образом, что система учитывает его в качестве входящего сигнала. Подобная система обратной связи, в которой оценочное описание может спровоцировать усиление значения незначимых или мало-значимых событий, влияет на всю систему оценки реальности как человека, так и социума. В случае положительной обратной связи (ПОС) система после многократного повторения самовозбуждается и переходит к автогенерации нарративов, иногда слабо связанных с реальностью. Это наблюдается на примере лавинообразного возникновения и распространения сплетен, слухов, страшилок и т. д. Процесс автогенерации может вызвать разрушение смысловой и нормативно-ценностной основ нарративов. При этом разрушается и ПОС, нарративы создаются заново. Подобное действие периодически происходит в результате войн, революций и т. д.

В противоположном случае наблюдается эффект отрицательной обратной связи (ООС). ООС — система связи результатов работы системы с входящим сигналом таким образом, что поступление выходного сигнала на вход системы уменьшает значение выходного сигнала. Применительно к наррации этот процесс наблюдается как уменьшение ощущения значимости возможной угрозы потери от события, пренебрежение жизнью своей и жизнями окружающих, героизация страданий «во имя...». Такого рода обратная связь вырабатывается как защитный механизм привыкания, адаптации к любым, даже самым острым, проблемам, возникающим в публичной коммуникации. Подобный сюжет использован в басне Эзопа «Лгун», когда мальчик кричал «волки!». При этом алармизация и хорроризация текстов нарративов приводит сначала к возбуждению системы (нарастающий отклик), а потом к игнорированию (затухающий отклик) новостного потенциала последующих «кошмарных» новостей. Нарративный поток способен сформировать у чело-

века мотивацию, которая будет сильнее, чем естественные инстинкты к здоровью, сну, еде, комфорту, жизни и другим. Но при постоянном давлении человек перестает реагировать соответственно тексту и даже может выдать противоположную реакцию.

Если рассматривать нарративы с точки зрения исследований Э. Гуссерля в балансе между «объективностью и субъективностью процесса познания (Erkennes)» [12], то как человек, так и общество не могут быть свободными от внесения своего личного понимания, переживания в ткань нарратива. Автор, согласно своему видению реальности, производит отбор ключевых героев и событий, стремится указать на них слушателям, читателям или зрителям. Он пытается использовать нарратив как инструкцию по выходу из тревожной, драматической ситуации, создать образец для подражания. Читатель или зритель, находясь в системе описания событий нарратива, отличающихся по месту и времени от времени действительности, существует одновременно в двух реальностях. Он следует за автором и сравнивает эти реальности со своими убеждениями, желаниями, ощущениями удовольствия, страха, тревоги и т. д. Согласно Гуссерлю, автор имеет возможность выбирать предполагаемые обстоятельства для сюжетов. Читатель свободен выбирать между текстами, между реальностями.

В силу интенциональности не только текст, но и коммуникация имеет свои мотивы, скрытую или явную перформативность. Возможно, в общем множестве нарративных сюжетов встречаются тексты без интенциональной основы, следовательно – без скрытого перформатизма. В этом случае всегда можно задать вопрос: «Зачем создан такой текст?» Подобного мнения придерживается один из исследователей социального конструкционизма К. Герген, который утверждает, что перформативен весь язык, который сочетает описания с реализацией конвенциональных социально осмысленных действий в системе публичных коммуникаций. «Слова сами по себе не описывают мир, но поскольку они функционируют успешно в рамках ритуала, основанного на отношениях, они начинают служить в качестве “описаний” в рамках правил данной игры» [13].

В силу приведенных выше аргументов можно утверждать, что нарративы и перформативы составляют парные множества в понятии речевого акта, при этом каждому нарративу множества соответствует не менее одного перформатива.

Нарративы как массивы описаний, связанные большим количеством связей как между отдельными сюжетами, так и с различными

реальностями, формируют у человека и у человечества непрерывность и связанность концепции реальности. Д. С. Лихачев описывает свойства концепта следующим образом: «Концепты возникают в сознании человека не только как «намеки на возможные значения», «алгебраическое их выражение», но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом — поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический и т. д.» [14].

Нарратив делает из дискретного эвристического сознания плавную траекторию, по которой человек познает, воспринимает мир. Наррация упаковывает реальность в непротиворечивую картину. Сшивая разрозненные сюжеты в единую ткань, нарративы служат одним из важнейших инструментов культурогенеза (по М. Ю. Лотману). В отличие от интерактивной действительности, нарративная реальность лишена вариантов и альтернатив развития сюжета. Она допускает параллельность сюжетных веток, но ограничена предполагаемыми обстоятельствами. Непрерывность (неопределенность) интерактивной действительности отлична от случившейся непрерывности нарратива законами жанра и индивидуальной интенциональности автора.

В силу непрерывности и взаимосвязанности массива нарративов у авторов перформатива появляется возможность изменять формы нарративов, вплоть до маскирования перформатива под другие речевые акты. Так, например, вопросы «Будете ли Вы выходить на следующей остановке?», «Девушка, Вы танцуете?» представляют собой перформативы, один — побуждающий уступить дорогу, другой — согласие на танец. Надписи «Не прислоняться» и «Выхода нет» подразумевают запрет на облокачивание на поверхность двери и направление движения в метро. Непрерывность и повторяемость нарративов формируют контекстуальные возможности для скрытой манипуляции поведенческими паттернами человека, например решением о покупке. Другими словами, язык подразумевает некоторую договоренность, или конвенциональность, между автором и читателями в отношении разных речевых актов. При этом конвенциональность не отражается непосредственно в тексте, а подразумевается как неписаное правило понимания и интерпретации.

Для выяснения генезиса перформативов в наррации необходимо рассмотреть процесс создания нарративов. Генерация нарративов — это явление, происходящее в социальной среде, описывающее коллективное действие, попытку договориться о дескриптив-

ном определении окружающего мира с помощью непротиворечивых повествований. В тех случаях, когда законы действительности не позволяют сочетать и объяснять события и сущности, нарратив переходит в фантазийную, мифологическую, религиозную, трансцендентную или иную реальности. Дальше, после процессов селекции, множественных повторов коллективное описание реальности может предстать в виде сжатых поучительных историй — примеров поведения в той или иной ситуации (былин, священных писаний, сказок и так далее). При этом нарративы могут притянуть в себя и модные обороты речи, сюжеты, героев. Существует и обратный эргономический процесс — отбрасывание всего несущественного. В результате длительной селекции и выдержки формируется текст как инструмент для обучения и воспитания на примере другого.

4. Событийное формирование нарративной реальности

После того как нарратив принят и одобрен в пространстве публичных коммуникаций, он переходит в форму образца для подражания, инструмента для воспитания детей, выполняет функции лингвокультурального трансфера, культурной трансмиссии при попытках перенести смыслы на другой язык, в другую культуру, при пересечении культурных барьеров или разделенных, например, религиозной нарративной постсекулярных коммуникаций. Процесс принятия в повседневное использование того или иного нарратива означает замораживание обсуждения о его форме и содержании. Нарратив становится классикой, каноном. Из него, со временем, начинают вытаскивать перформативы: инструкции, указания, заповеди, законы, мораль и т. д. Нарратогенез можно представить в виде алгоритма «событие — анализ — синтез — нарратив/создание нового/коррекция старого описания» [15]. В алгоритме создания перформатива редуцируется процесс нарратогенеза до алгоритма: «событие» — соотнесение с «готовым сюжетом-советом». «Идет дождь — возьми зонт». Игнорируется рассуждение, есть пример и императив. Вот ход, например, стандартного генерирующего алгоритма в упрощенном виде: «Идет дождь — можно намочнуть — нужна защита — Вася взял зонт» для нарратива трансформируется в прямое указание для Васи: «Идет дождь — возьми зонт». В любом сообществе происходит эргономический процесс сокращения рассуждения, отжим текста до стереотипической реакции. Это негативный процесс, который сводит обучение человека к системе реакций на внешние события. «Пробежала кошка — плюнь че-

рез плечо». Таким образом, многие нарративы трансформируются в перформатив и там уже не могут трансформироваться под постоянно меняющуюся среду и ее макрофакторы, являют собой постоянно отстающий и требующий усилий для изменения корпус правил. С другой стороны, эргономика перформатива экономит время, экономит ресурсы человека. В этом процессе рождается сообщество или группа «ленивых» или консерваторов, которая «канонизирует» нарратив и стремится перевести его в модель «событие-нарратив». Появляются скрепы, «святое», нарратив сакрализуется, шлифуется как жемчужина в раковине, превращаясь в перформатив.

Система перформативов — «инструкций к жизни» — вошла в систему образования. Она строится на знании — умении — навыках по использованию предыдущего наследия в большинстве, и на обучении анализировать в меньшинстве. Полученное множество А, состоящее из событий, сопоставляются с множеством В — указаниями на реакцию на эти события. В случае, когда появляются новые события, а в множестве В нет соответствующих сюжетов, логично было бы предположить новый виток анализа и синтеза, нового описания, исследования, изучения, получения нарратива. К сожалению, ренарратизация происходит не всегда, чаще методом перебора человек пытается «пристроить» существующие старые объяснения к новым событиям или предметам. В случае, когда это удастся, мы имеем использование одного знака для двух событий или двух толкований, как слово «шарик», описывающее и сферу, и маленькую собачку в примере Г. Фреге. В результате этого возникают полисемичные слова, тексты, возникает двусмысленность, как в классических творениях Гомера, Крылова и других авторов, для создания эффекта «вау-узнавания» используются двусмысленные нарративы.

Конечное место для смысловой траектории нарратива, перешедшего в перформатив, может заканчиваться на территории табу — запрещенных тем. Например, существует событие — восход солнца над горизонтом. В системе «до Галилея» солнце восходит над горизонтом, и это событие описывается как «восход» и истинное. Но «в системе после Галилея» движения Солнца нет. Земля поворачивается, и наблюдатель видит появление Солнца. Спустя много лет восприятие реальности по-прежнему воспроизводит старую историю реальности «до Галилея», несмотря на всеобщую информированность, поэты воспевают восходы и закаты Солнца, а не повороты Земли вокруг оси.

Поводом для наррации становятся события. Многие из событий заставляют человека и общество реагировать, выступают в качестве побуждающего к действию или бездействию фактора. Чем больше событие повлияет на будущее, чем значительнее будет его возникновение в пространстве публичных коммуникаций, тем больший эффект он произведет, тем дольше останется в коллективной памяти. В этом пространстве происходит оценка общественным мнением события, оценка события представителями властей, при этом может возникнуть дистанцирование населения от власти [16].

Как было рассмотрено ранее, нарративы формируют восприятие реальности у человека. Они также способны трансформировать и сами реальности. Пространство, создаваемое нарративами, представляет собой набор алгоритмов, правил, законов, которые связывают предметы и события между собой в единую непротиворечивую реальность в сознании индивидуумов, групп людей и всей цивилизации. Благодаря глобализации, человеческое сообщество представляет собой интегральную систему, объединенную связями между всеми. Эта сеть публичных коммуникаций позволяют взаимодействовать всем участникам человеческой цивилизации как одному организму. Любое событие, имеющее новостной потенциал, ретранслируется в современном информационном обществе фактически мгновенно.

Система связанных нарративов разных культур выступает в нескольких ролях: как источник новостей, как описание реакции, как хранилище полезных и вредных опытов человечества. Другими словами, информационное нарративное пространство представляет собой источник новостей, получатель новостей, социальную публичную память.

Выводы

1. Нарративы и перформативы, несмотря на то, что интуитивно ощущаются понятиями противоположными, как описание и указание, фактически находятся в связи порождения одного через другое. При анализе 3 возможных вариантов взаимодействия установлено, что перформативы находятся в основании любой наррации, таким образом, что каждому нарративу соответствует не менее одного перформатива.

2. В любой наррации содержится тайное или явное манипулирование, которое необходимо иметь в фокусе внимания при рас-

смотрении маркетинговых, политических, религиозных текстов. Спектр подобного манипулирования широк — от агитации и пропаганды к рекламным и PR-текстам и т. д.

3. Присутствие перформативов не всегда несет в себе отрицательное значение. Например, в текстах классической художественной литературы перформативы содействуют практикам по воспитанию и образованию детей.

Библиографический список

1. Проскурин С. Г. Лингвокультурный трансфер: представления о мире в древних традициях // Критика и семиотика. 2017. № 1. С. 220–232.
2. Blank, Andreas, «Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical Semantic change», in Blank, Andreas; Koch, Peter, Historical Semantics and Cognition, Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1999, pp. 61–90.
3. Зинкевич О. В. Локализация как процесс лингвистической трансформации структуры и содержания динамического текста // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. 3[111]. С. 135–137.
4. Агеева Н. А. Наррация и анарративность в монодраме Я. Пулинович «Наташина мечта» // Научный диалог. 2015. № 12. [48]. С. 151–160.
5. Тюпа В. И. Драматургия как тип высказывания // Новый филологический вестник. 2010 3[14]. С. 7–16.
6. Женетт Ж. Границы повествовательности // Женетт Ж. Фигуры. Т. 1. М., 1998.
7. Уэст Д. Континентальная философия. Введение / пер. с англ. Д. Ю. Кралечкин. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 448 с.
8. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1996. С. 203–204.
9. Рассел Б. История западной философии: в 3 кн. / пер с англ.; подгот. текста В. В. Целищева. СПб.: Азбука, 2001. 960 с.
10. Герасимов С. В. Замыкая круг манипуляций // Философские науки. 2015. № 5. С. 34–41.
11. Тульчинский Г. Л. Оценочно-эмоциональные факторы смыслообразования: нормативно-ценностные паттерны нарративов культуры // Человек. Культура. Образование. 2018. № 4 (30). С. 165–175.
12. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 1. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания / пер. с нем. В. И. Молчанова. М.: Академический проект, 2011. 256 с.
13. Gergen, K. J. Realities and relationships: soundings in social construction. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1997.

14. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Блиц, 1999. С. 147–165.

15. Герасимов С. В. Событие как управленческая функция генерации социальной реальности // Человек. Культура. Образование. 2017. 1(23). С. 68–83.

16. Петухов В. В. Гражданское общество и власть: сотрудничество или противостояние? // Вестник Института социологии. 2012. № 5. С. 240–246.

References

1. Proskurin S. G. Lingvokul'turnyj transfer: predstavleniya o mire v drevnih traditsiyah [Linguocultural transfer: ideas about the world in ancient traditions]. *Kritika i semiotika*, 2017, no. 1, pp. 220–232. (In Russ.)

2. Blank, A. "Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical Semantic change", in Blank, Andreas; Koch, Peter, *Historical Semantics and Cognition*, Berlin/New York, Mouton de Gruyter, 1999, pp. 61–90.

3. Zinkevich O. V. Lokalizaciya kak process lingvisticheskoy transformacii struktury i sodержaniya dinamicheskogo teksta [Localization as a process of linguistic transformation of the structure and content of a dynamic text]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta*, 2018, 3[111], pp. 135–137. (In Russ.)

4. Ageeva N. A. Narraciya i anarrativnost' v monodrame YA. Pulinovich «Natashina mehta» [Narration and anarrativity in the monodrama J. Pulinovich "Natasha dream"]. *Nauchnyj dialog*, 2015, no. 12 [48], pp. 151–160. (In Russ.)

5. Tyupa V. I. Dramaturgiya kak tip vyskazyvaniya [Drama as a type of utterance]. *Novyj filologicheskij vestnik*, 2010 3[14], pp. 7–16. (In Russ.)

6. Zhenett Zh. Granicy povestvovatel'nosti [Boundaries of narrative]. Zhenett Zh. *Figury*, vol. 1. Moscow, 1998. (In Russ.)

7. Uehst D. *Kontinental'naya filosofiya. Vvedenie* [Continental philosophy. Introduction]/ per. s angl. D. Yu. Kralechkin. Moscow, Izdatel'skij dom «Delo» RA-NHiGS, 2015, 448 p. (In Russ.)

8. Hume D. *Traktat o chelovecheskoj prirode* [Treatise on human nature]. Hume D. *Sochineniya*, in 2 vol., vol. 1. Moscow, Mysl', 1996, pp. 203–204. (In Russ.)

9. Rassel B. *Istoriya zapadnoj filosofii: v 3 kn.* [History of Western Philosophy] / perevod s angl.; podgot. teksta V.V. Celishcheva. St. Petersburg, Azbuka, 2001, 960 p. (In Russ.)

10. Gerasimov S. V. Zamykaya krug manipulyacij [Closing the circle of manipulations]. *Filosofskie nauki*, 2015, no. 5, pp. 34–41 (In Russ.)

11. Tul'chinskij G. L. *Ocenochno-ehmocional'nye faktory smysloobrazovaniya: normativno-cennostnye patterny narrativov kul'tury* [Evaluative-emotional factors of sense-formation: normative value patterns of cultural narratives]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovaniye* [Human. Culture. Education], 2018, no. 4(30), pp. 165–175. (In Russ.)

12. Gusserl' E. *Logicheskie issledovaniya* [Logical research]. *T. 1, Ch. 1: Issledovaniya po fenomenologii i teorii poznaniya. Per. s nem. V.I. Molchanova*. Moscow, Akademicheskij proekt, 2011, 256 p. (In Russ.)
13. Gergen, K. J. *Realities and relationships: soundings in social construction*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997.
14. Lihachev D. S. *Konceptosfera russkogo yazyka* [Russian language conceptual sphere]. *Ocherki po filosofii hudozhestvennogo tvorchestva*. St. Petersburg, Blic, 1999, pp. 147–165 (In Russ.)
15. Gerasimov S. V. *Sobytie kak upravlencheskaya funkciya generacii social'noj real'nosti* [Event as a managerial function of generating social reality]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovaniye* [Human. Culture. Education], 2017, 1(23), pp. 68-83. (In Russ.)
16. Petuhov V. V. *Grazhdanskoe obshchestvo i vlast': sotrudnichestvo ili protivostoyanie?* [Civil society and government: cooperation or confrontation]. *Vestnik Instituta sociologii*, 2012, no. 5, pp. 240–246 (In Russ.)